

Е.В. Кардаш*

**ПОХОРОННЫЙ БИЗНЕС В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
В 1800–1860-Е ГОДЫ: ОТ ПУШКИНСКОГО «ГРОБОВЩИКА»
К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ**doi:10.31518/2618-9100-2023-5-12
УДК 94(343.348)“1800/1860”*Выходные данные для цитирования:**Кардаш Е.В. Похоронный бизнес в Санкт-Петербурге в 1800–1860-е годы: от пушкинского «Гробовщика» к историческим реалиям // Исторический курьер. 2023. № 5 (31). С. 173–190. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-12.pdf>*

E.V. Kardash*

**FUNERAL BUSINESS IN ST. PETERSBURG
IN THE 1800S–1860S: FROM PUSHKIN’S “COFFIN MAKER”
TO HISTORICAL REALITIES**

doi:10.31518/2618-9100-2023-5-12

*How to cite:**Kardash E.V. Funeral Business in St. Petersburg in the 1800s–1860s: From Pushkin’s “Coffin Maker” to Historical Realities // Historical Courier, 2023, No. 5 (31), pp. 173–190. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-5-12.pdf>]*

Abstract. The article is devoted to a little-studied topic – the history of funeral business in pre-reform Russia. The direct subject of the study is the activity of St. Petersburg undertakers as an entrepreneurial community. The article deals with the issues of their numbers and social status, the range of trade assortment, services, pricing, and relations with church and secular state institutions; several separate dynasties are also traced. Data were collected from the files of several archival fonds (s.s. Petrograd Ecclesiastical Consistory, Petrograd Crafts Administration, the Economic Department of the Interior Ministry, the Chancellery of the Synod), statistical reviews (by A.P. Zablotsky-Desyatovsky, A. P. Bashutsky, etc.), address and guild books, analytical and historical articles from 19th century magazines, such as “Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii”, “Russkaya Starina”, “Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del”, announcements in “Sankt-Peterburgskie vedomosti”; historical data are considered in comparison with the descriptions of undertakers’ business activities in the literary texts written by A.S. Pushkin (1830), A.P. Bashutsky (1840) and I.I. Pushkarev (1841). In 1800–1860, undertakers occupy a borderline position in St. Petersburg’s commercial landscape: they produce goods to supply the market and provide services for the decoration and organization of the funeral ceremony. The increase in the number of St. Petersburg undertakers from the beginning to the middle of the century (11 in 1813, 58 in 1848, 54 in 1849, 59 in 1850) correlates with population growth and the dynamics of the workshop community development; the later decrease (42 in 1867) correlates with the consolidation of enterprises and the high inner competitiveness of the industry. The competition with ecclesiastical institutions for the funeral paraphernalia rental market (traceable as early as 1813), and resistance to price regulation within the framework of state social policy, demonstrate the capacity of the entrepreneurial community to establish and codify trade practices conflicting with the legislative norm. The peculiarities of undertakers’ entrepreneurial activity described in literary texts receive documentary confirmation: particularly, we can confidently say that the depiction of the funeral enterprise in Pushkin’s story correlates with the realities of Russian everyday life during the 1830s, rather than being the result of a European narrative samples transfer.

Keywords: entrepreneurship, merchants, craftsmen, St. Petersburg, funeral supplies, burial, undertakers, Smolensky Orthodox Cemetery.

* **Елена Валерьевна Кардаш**, кандидат филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ekar4@yandex.ru
Elena Valerievna Kardash, Candidate of Philology, The Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: ekar4@yandex.ru

The article has been received by the editor on 01.08.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме – истории похоронного бизнеса в дореформенной России. Непосредственный предмет исследования составляет деятельность гробовщиков Санкт-Петербурга как предпринимательского сообщества. В статье рассмотрены вопросы о количестве и социальном статусе гробовщиков в 1800–1860-е гг., спектре их торгового ассортимента и услуг, специфике ценообразования, отношениях с церковными и светскими государственными институтами; прослежена история нескольких отдельных династий. Основными источниками послужили архивные дела из фондов Петроградской духовной консистории и Петроградской ремесленной управы (ЦГИА СПб.), Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и Канцелярии Синода (РГИА), данные статистических обозрений (А.П. Заблоцкого-Десятовского, А.П. Башуцкого и др.), адресных и гильдейских книг, а также аналитические и исторические статьи из изданий XIX в., таких как «Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии», «Русская старина», «Журнал Министерства внутренних дел», объявления «Санкт-Петербургских ведомостей». Исторические материалы рассматриваются в сопоставлении с беллетризованными описаниями предпринимательской деятельности гробовщиков в текстах А.С. Пушкина (1830), А.П. Башуцкого (1840), И.И. Пушкарева (1841). В 1800–1860 гг. гробовщики занимали пограничное положение в петербургском коммерческом ландшафте: они производили товар для поставок на рынок и оказывали услуги по оформлению и организации погребальной церемонии. Увеличение количества гробовщиков с начала до середины столетия (11 чел. в 1813 г., 58 – в 1848 г., 54 – в 1849 г., 59 чел. в 1850 г.) коррелирует с ростом народонаселения и динамикой развития цехового сообщества; позднейшее сокращение (42 чел. в 1867 г.) – с укрупнением предприятий и высоким конкурентным потенциалом отрасли. Конкуренция с церковными институтами за рынок проката траурных принадлежностей (прослеживаемая уже с 1813 г.) и сопротивление регулированию цен в рамках государственной социальной политики демонстрируют возможности корпоративного сообщества по кодификации торговых практик, вступающих в противоречие с законодательной нормой. Особенности предпринимательской деятельности гробовщиков, описанные в литературных текстах, получают документальное подтверждение: в частности, можно уверенно сказать, что изображение похоронного предприятия в повести Пушкина коррелирует с российскими реалиями 1830-х гг., а не является результатом трансфера европейских нарративных образцов.

Ключевые слова: предпринимательство, купечество, ремесленники, Санкт-Петербург, похороны, похоронные принадлежности, гробовщики, Смоленское православное кладбище.

Статья поступила в редакцию 01.08.2023 г.

Настоящая работа представляет собой часть более широкого исследования, посвященного истории похоронного бизнеса в дореформенной России. Ставится задача описать его законодательные рамки, собрать и проанализировать необходимые статистические данные, выяснить социальный и корпоративный статус предпринимателей, спектр торгового ассортимента и услуг, специфику ценообразования, а также, по возможности, проследить историю отдельных династий. За невозможностью полноценно осветить весь этот спектр проблем в рамках статьи я сфокусируюсь здесь на одном аспекте темы – деятельности Санкт-Петербургских гробовщиков как предпринимательского сообщества, обладающего корпоративной идентичностью.

Презентация темы похоронного бизнеса в европейской, американской и российской историографии. Истории российской городской похоронной индустрии и в особенности ассоциированных с ней предпринимательских институтов дореформенного периода по сей день уделялось мало внимания. Между тем это продуктивная область исследования, позволяющая понять, как основополагающие для человеческого сообщества религиозные, идеологические и эстетические представления, связанные с переживанием смерти, интегрируются в жизнь социума непосредственно на уровне материальной культуры и повседневных экономических практик.

Свидетельством тому служат работы по истории похоронного бизнеса XVIII–XIX вв., выполненные на европейском и американском материалах. Так, например, в статье Р. Обена процесс зарождения и развития первых погребальных контор в Англии анализируется в тесной связи с теологическими дебатами об отношении к мертвому телу¹. П. Фритц рассматривает ту же историю в контексте реструктуризации административных институтов и профессиональных сообществ, вовлеченных в процесс оформления похоронного церемониала². Т. Лакер описывает специфику материальной культуры и законодательство, регулирующее практики погребения бедняков в Англии на протяжении XIX в.³ П. Тромпетт исследует экономику погребального рынка во Франции XIX в. как результат сложного взаимодействия коммерческих, политических и идеологических интересов церкви, государства и предпринимателей – владельцев похоронных бюро⁴. Э. Белл, опираясь на археологические данные, интерпретирует образцы американской гробовой фурнитуры массового производства конца XVIII – XIX в. как материальную репрезентацию романтической концепции «прекрасной смерти»⁵. Перечень легко поддается продолжению.

Упомянутые работы отличает не только разнообразие подходов, но и высокая концентрация фактографического материала. Мы узнаем, как выглядели вывески, витрины, торговые каталоги и реклама гробовщиков и похоронных агентов на Западе в XVIII – первой половине XIX в., какие услуги они оказывали, чем торговали, как вели приходно-расходные книги, сотрудничали или конкурировали и какие цены назначали.

Подобных исследований российского похоронного бизнеса той же эпохи до сих пор не существует. На это есть объективные причины.

В России, в отличие от западных стран, погребальные торговые практики лишь с 1840-х гг. начинают регламентироваться на государственном уровне, а крупные похоронные бюро появляются в конце столетия. Корпус очевидных и легко обнаруживаемых опубликованных и архивных источников по истории российской похоронной индустрии и бизнеса относится к концу XIX–XX вв., и закономерно, что исследователи, занимающиеся сегодня упомянутой темой, обращаются именно к этой эпохе: таковы предпринятый А. Соколовой антропологический анализ городской погребальной культуры эпохи раннего

Гравюра Г.В. Дерикера с рисунка художника В.Ф. Тимма «Гробовой мастер»

¹ *Aubin R.A. Behind Steele's Satire on Undertakers // Publications of the Modern Language Association of America. 1949. Vol. 64, № 5. P. 1008–1026.*

² *Fritz P.S. The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830 // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28, № 2. P. 241–253.*

³ *Laqueur T. Bodies, Death, and Pauper Funerals // Representations. 1983. № 1. P. 109–131.*

⁴ *Trompette P. Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals // Managing overflow in affluent societies. N.Y., 2012. P. 19–42.*

⁵ *Bell E. The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts // Historical Archaeology. 1990. Vol. 24, № 3. P. 54–78.*

СССР⁶ и осуществленный С. Моховым обзор истории погребального дела от Средневековья до настоящего времени, где в главе о российской похоронной индустрии дореформенный период (1800–1860 гг.) практически отсутствует⁷; посвященная же интересующей нас эпохе студенческая публикация М.Р. Масагутовой предельно лаконична⁸.

Вопрос об источниковой базе и выборе методов исследования. Отдельную проблему при работе с заявленной темой составляет поиск и выявление источников. Если история российских столичных некрополей служила предметом полноценных источниковедческих штудий (в монографическом формате результаты их представлены в работах С.Ю. Шокарева – для Москвы и А.В. Кобака и Ю.М. Пирютко – для Санкт-Петербурга)⁹, то история похоронного предпринимательства 1800–1860-х гг. пока представляет собой в этом отношении слепое пятно.

В этих условиях при подступе к теме продуктивными представляются несколько методов. Во-первых, это изучение уже известных материалов под принципиально новым углом зрения; замечательный пример – работа Н.А. Четыриной, которая прослеживает колебания сроков похорон в конце XVIII–XIX вв. с опорой на данные метрических книг¹⁰. Во-вторых, это введение в научный оборот и исследование новых материалов, связанных с конкретными историческими сюжетами, которые, в силу своей проблематичности, зримо актуализируют норму; здесь образцом может служить статья В.А. Шкерина, который рассматривает историю перемещения из Италии тела горнозаводчика Н.Н. Демидова для захоронения в Пермской губернии¹¹.

В настоящей статье я, в той или иной степени, воспользуюсь обеими возможностями. В первом случае я фокусирую внимание на материалах известных дел по подготовке правительственных указов, «Положения о кладбищах» (1841) и «Положения о предметах, употребляемых при погребении» (1842), как источнике сведений о деятельности предпринимателей в сфере похоронных услуг. Во втором – описываю и анализирую не рассматривавшийся ранее в ученой литературе и важный для изучения темы сюжет о конфликте гробовщиков и причта церкви Смоленского православного кладбища.

Существует, однако, еще один метод, описанный Л.А. Беляевым в небольшой статье «Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты»: это введение в поле зрения историка беллетризованных и мемуарных рассказов, «позволяющих понять, путем взаимного сопоставления, синхронные им особенности материальной культуры и обычая»¹². Мне как историку литературы этот междисциплинарный подход представляется продуктивным и выигрышным для обеих областей знания. Для литературоведа он предполагает переход от исследования самодостаточных нарративных моделей к осмыслению их как специфически устроенных репрезентаций исторического процесса, в моем случае – материальных и социоэкономических практик (подобного рода попытки предпринимались, в частности, в рамках «нового историзма» – давнего и небесспорного направления в области истории литературы, не особенно прижившегося на российской почве)¹³.

⁶ Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022.

⁷ Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М., 2018. С. 219–236.

⁸ Масагутова М.Р. Организация похоронного дела в имперском Петербурге // Usable Pasts: сборник материалов IV студ. конф. НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (26–27 апреля 2019 г.). Иваново, 2020. С. 41–45.

⁹ Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя (XII – начало XIX вв.). М.; СПб., 2018; Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.; СПб., 2009.

¹⁰ Четырина Н.А. Срок похорон в конце XVIII – начале XIX в.: по материалам метрических книг // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 241–259.

¹¹ Шкерин В.А. Путешествие покойника из Флоренции в нижнетагильский завод // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 133–141.

¹² Беляев Л.А. Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: мат-лы междунар. науч. конф. М., 2018. С. 20.

Для историка, как демонстрируют работы А.Л. Беляева, литературные тексты могут стать ключом при поиске ответов на нерешенные вопросы из области истории и археологии¹⁴. Важнее, однако, что сопоставление исторических и литературных источников расширяет наши целостные представления о материальной, бытовой и социальной культуре исследуемой эпохи: «Возникает очень интересное и до сих пор не открытое пространство <...>, в котором взаимопроникновение разных форм источников выглядит на редкость естественным и делает картину поистине трехмерной»¹⁵.

В настоящем исследовании я рассматриваю архивные материалы в сопоставлении с тремя литературными текстами: это беллетризованное описание подготовки к похоронам в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С<анкт>-Петербургской губернии» (1841) И.И. Пушкарева, очерк А.П. Башуцкого «Гробовой мастер» (опубликован впервые в 1840 г.) и повесть А.С. Пушкина «Гробовщик» (написана в 1830 г., опубликована в 1831 г.). Последний сюжет разворачивается в московских декорациях, однако он показателен для представления о похоронном бизнесе первых десятилетий XIX в. в целом. В рамках этого подхода при анализе конкретных сюжетов в моем исследовании я буду двигаться от литературного материала к историческому.

Гробовые мастера в Санкт-Петербурге в 1800–1860-е гг.: статистика и корпоративный статус. В первой половине XIX в. население Петербурга постоянно росло. Согласно опубликованным в 1836 г. «Статистическим сведениям о Санкт-Петербурге», в 1800 г. в столице было 220 208 жителей, в 1805 г. – 271 147, в 1814 г. – 335 713, в 1825 г. – 424 731, в 1832 – 449 368¹⁶. Таким образом, как замечает составитель издания, «в первую четверть <...> столетия народонаселение С<анкт>-Петербурга <...> почти удвоилось, и ежегодная прибыль состояла из 8 181 человека»¹⁷. Близкие цифры приведены в статистической записке А.П. Башуцкого: в 1805 – 295 000 жителей, в 1820 – 422 000, в 1825 – 433 112, в 1831 – 448 221, в 1832 – 449 368¹⁸.

Количество обитателей Санкт-Петербурга во второй четверти XIX в. зафиксировано в «Статистических таблицах о состоянии городов Российской империи», издававшихся в разные годы. По этим данным население столицы увеличилось к 1840 г. до 476 386 чел.¹⁹, к 1847 г. – до 481 352 чел.²⁰, к 1856 г. – до 490 808 чел.²¹

Сообразно приросту населения росло и количество смертей. По расчетам А.П. Заблоцкого-Десятовского, опиравшегося на ведомости Синода, в первое десятилетие XIX в. в Петербурге ежегодно умирало в среднем 9 313 чел., во второе – 10 641 чел., в третье – 10 304 чел.²². А.П. Башуцкий пишет, что в 1832 г. количество умерших в столице достигло 15 917 чел.²³ Согласно рапорту митрополита Антония (Рафальского) Синоду от 3 мая 1843 г., в 1840 г. на Санкт-петербургских городских кладбищах было совершено 19 205 захоронений²⁴. С каждым

¹³ См. о нем, например: *Козлов С.* На rendez-vous с новым историзмом // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 5–12; *Эткинд А.* Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 7–40.

¹⁴ См.: *Беляев Л.А.* Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. 2016. № 2. С. 8–10; *Беляев Л. А.* Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: мат-лы междунар. науч. конф. (14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда, 2017. С. 530–542.

¹⁵ *Беляев Л.А.* Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты... С. 20.

¹⁶ Статистические сведения о Санкт-Петербурге / сост. А.П. Заблоцкий-Десятовский. СПб., 1836. С. 113–114.

¹⁷ Там же. С. 114.

¹⁸ *Башуцкий А. П.* Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. 2. С. 71.

¹⁹ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840. С. 40.

²⁰ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи <по 1 мая 1847 г.> / сост. в Статистическом отделении Министерства внутренних дел. СПб., 1852. С. 24.

²¹ Статистические таблицы Российской империи за 1856 год / сост. и изд. по распоряжению Министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. СПб., 1858. С. 116.

²² Статистические сведения о Санкт-Петербурге / сост. А.П. Заблоцкий-Десятовский... С. 168.

²³ *Башуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга... Ч. 2. С. 74.

²⁴ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 192.

новым десятилетием у столичных гробовщиков прибавлялось работы, что не могло не сказываться на объемах отрасли.

Изготовление гробов относилось к сфере ремесленного производства, связанного с обработкой дерева – одной из самых крупных в постоянно строящемся Петербурге (статистические данные для 1840-х гг. представлены в работе А.И. Копанева, а для последнего десятилетия XVIII в. и 1869 г. – в монографии А.В. Келлера)²⁵. Гробовые мастера не составляли отдельной цеховой категории: в «Отчете С<анкт>-Петербургской ремесленной управы за 1866 год», в графе «Названия цехов и мастерств, входящих в состав оных», гробовое дело (наряду с мебельным, резным, позолотным и корзиночным) фигурирует как вид «мастерства» в составе столярного цеха²⁶.

Статистическая информация о количестве гробовых предприятий в Петербурге в изучаемый период на сегодняшний день отсутствует. Источником предварительных данных, представленных в настоящей статье, служат составленные Н.И. Цыловым петербургские адресные книги 1849 и 1850 гг., «Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга» 1867–1868 гг. и два дела из фондов Петроградской духовной консистории и Петроградской ремесленной управы: «Дело по прошению протоиерея Смоленской кладбищенской церкви Георгия Петрова о запрещении гробовым мастерам отпускать дроги и прочие траурные принадлежности на Смоленское кладбище»²⁷, где сохранились расписки гробовых мастеров за 1813 г., и «Дело об изготовлении гробов в Санкт-Петербурге во время эпидемии»²⁸, содержащее затребованный Санкт-Петербургской ремесленной управой у цехового старосты «Список мастерам гробового дела, записанным в Российском столярном цеху» на 1848 г.

Согласно этим источникам, в 1813 г. в Санкт-Петербурге работали 11 гробовщиков²⁹, в 1848 г. – 58³⁰, в 1849 – 54³¹, в 1850 – 59³², в 1867 г. – 42³³. Разумеется, это не позволяет судить о точном количестве гробовых предприятий в столице в указанные годы. Во-первых, перечни в адресных книгах, как и в упомянутых архивных источниках, заведомо неполны. Во-вторых, специальность гробовых мастеров не совпадала с их более широкой цеховой категоризацией, поэтому ремесленник, занятый производством гробов, мог квалифицироваться и как гробовой мастер, и как столяр. Так, в расписках 1813 г. восемь гробовщиков называют себя гробовыми мастерами, один – гробовым мастером временного столярного цеха, один – столяром, один – столярным мастером; еще одна подпись – единственного немецкоязычного мастера Шридера (Шрёдера) – не содержит корпоративного маркера³⁴.

Идентификации одного и того же ремесленника в источниках разного времени могут не совпадать: например, Федот Савельев в расписке 1813 г. именуется гробовым мастером³⁵, а в изданном в 1822 г. справочнике С.И. Аллера он включен в перечень столяров временного цеха Русской ремесленной управы³⁶. Семен Антонов Адлер из «Списка мастерам гробового дела» 1848 г. в опубликованном спустя лишь год справочнике Н.И. Цылова записан столяром³⁷; в том же статусе он упоминается и во «Всеобщей адресной книге С<анкт>-

²⁵ См.: Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л., 1957. С. 518; Келлер А.В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. СПб., 2020. С. 172–173, 203, 205.

²⁶ Отчет С.-Петербургской ремесленной управы за 1866 год. СПб., 1867. Б.п.

²⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 19. Оп. 15. Д. 188.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 7–12.

³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27–28 об.

³¹ Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб., 1849. С. 115–117.

³² Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга присутственных мест, учебных заведений, врачей, художников и разных предметов торговой и ремесленной направленности на 1850 год. СПб., 1849. С. 103–104.

³³ Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд. СПб., 1867–1868. Отд. 4. С. 39.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 11.

³⁵ Там же. Л. 10.

³⁶ Аллер С. И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицей пожарных сигналов на 1823 год. СПб., 1822. С. 528.

³⁷ Цылов Н. И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1849 год... С. 416.

Петербурга» 1867–1868 гг.³⁸ Разумеется, эти данные, в особенности два последних примера, можно интерпретировать как указание на смену мастером специализации. Видно, однако, что профессиональная идентичность гробовщиков, особенно в первые десятилетия XIX в., не была устойчивой. Это затрудняет сбор статистических данных.

Вместе с тем даже имеющиеся на сегодняшний день неполные сведения позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, во второй четверти XIX в. количество гробовщиков в Петербурге заметно увеличивается по сравнению с первыми десятилетиями: по субъективному, но симптоматичному замечанию управляющего Министерством внутренних дел А.Г. Строганова в официальной переписке с обер-прокурором Синода Н.А. Протасовым, к началу 1840-х гг. «гробовых мастеров находится в столицах, как всем известно, даже более, нежели сколько действительно потребно»³⁹.

Это коррелирует с ростом столичного народонаселения и развитием цехового сообщества как такового (по данным А.В. Келлера, число петербургских цеховых ремесленников в период с 1801 по 1848 г. выросло втрое, с 12 000 до 35 000 чел.)⁴⁰. Во-вторых, невзирая на неизменно широкую цеховую идентификацию, к середине столетия гробовщики приобретают статус самостоятельного профессионального сообщества: показательно, что в справочниках 1849 и 1850 гг. они впервые выделяются в отдельный разряд. Этому способствует, по-видимому, и постепенный переход гробового бизнеса на уровень функционирования в форме семейных предприятий, сохраняющих стабильность на протяжении нескольких поколений в течение долгого времени.

Так, в расписках 1813 г. фигурирует гробовой мастер Июда Соболев⁴¹, а в перечне 1848 г. – вероятно, его сын, гробовой мастер Архип Юдин Соболев, обитавший в Литейной части Санкт-Петербурга в доме Тишнера⁴²; гробовщик Соболев, живущий по тому же адресу, упоминается и в адресных книгах 1849 и 1850 г.⁴³ То есть только по имеющимся у нас неполным данным семейный бизнес Соболевых существовал 37 лет. Так же, с 1813 по 1850 г., просматривается гробовое предприятие Антоновых: Арефы (Арефия), в расписке 1813 г. – гробового мастера⁴⁴, а в справочнике С.И. Аллера 1822 г. – столяра временного цеха⁴⁵, и Никиты, гробового мастера, включенного в список 1848 г.⁴⁶; в адресных книгах Н.И. Цылова 1849 и 1850 гг. встречается гробовщик Соболев – в том же доме⁴⁷. Объединяющие Арефия и Никиту фамилия, ремесло и место жительства (как минимум с 1822 г.) позволяют достаточно уверенно предположить, что мы имеем дело с представителями разных поколений, связанных родственными узами. В списке гробовщиков 1848 г. упоминаются четыре вдовы гробовых мастеров, унаследовавшие бизнес мужей⁴⁸, а также братья Лебедевы, Федор Климов – в Нарвской части Петербурга, и Дмитрий Климов – в Московской⁴⁹; значит, в это время в разных районах города уже имелись гробовые предприятия, принадлежавшие членам одной семьи.

Сведения о социальной стратификации гробовых мастеров отсутствуют, однако можно полагать, что она соответствовала общей картине, характерной для описываемой эпохи. Как замечает А.В. Келлер, мелкие предприниматели происходили в основном «из мещан,

³⁸ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга... Отд. 4. С. 192.

³⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 10–10 об.

⁴⁰ Келлер А. В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века... С. 186.

⁴¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 9.

⁴² Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 28.

⁴³ Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1849 год. С. 117; Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1850 год... С. 104.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 10.

⁴⁵ Аллер С.И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга <...> на 1823 год... С. 528.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27.

⁴⁷ Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1849 год... С. 115; Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1850 год... С. 103. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Н.Г. Охогину за консультации и помощь при работе с этим материалом.

⁴⁸ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 27–27 об.

⁴⁹ Там же. Л. 27 об.

цеховых и крестьян»⁵⁰. По наблюдениям А.И. Копанева, в ремесленной среде последнее сословие было самым многочисленным: по данным ревизских сказок 1811, 1815–1816 и 1834–1835 гг., «около половины вечноцеховых Петербурга составляли отпущенные на волю крестьяне и дворовые»⁵¹.

В 1840-е гг. среди гробовщиков, однако, были и состоятельные люди. В списке гробовых мастеров 1848 г. фигурируют три владельца собственных домов. Один из них – Автомон (в источниках встречается также вариант написания Автолион) Егорович Шумилов⁵², сын гробовщика Егора Григорьевича Шумилова, выходца из крестьян. В адресной книге Аллера 1822 г. Е.Г. Шумилов входит в перечень мастеров вечногостярского цеха по резному деревянному и форморезному (изготовление «форм», т.е. вырезных клише для набивки рисунка на ткани) делу⁵³. Известно, что в 1831 г. он уже состоит в купеческом звании и избирается церковным старостой Никольской единоверческой церкви, при которой в 1835 г. в качестве благотворительного дара строит для причта каменный трехэтажный дом⁵⁴. В справочнике К.М. Нистрема 1844 г. Шумилов упомянут как владелец собственного дома на Литейном проспекте⁵⁵. Его сыновья, также гробовщики, в это время активно проявляют себя в благотворительности: Иван Егорович Шумилов поставляет бесплатно гробы с 1841 г. и в течение последующих шести лет – в Мариинскую больницу для бедных⁵⁶, а в 1843 г. вместе с братом Автомоном – в больницу св. Марии Магдалины⁵⁷. В гильдейской книге на 1871 г. Автомон Шумилов, купец 2-й гильдии с 1855 г., фигурирует как владелец гробовой мастерской в собственном наследственном (т.е. унаследованном от родителя) доме по Литейному проспекту, № 52; его племянник Егор Иванович Шумилов, купец 2-й гильдии (в купечестве состоял с 1865 г.), в это время содержит гробовую мастерскую в том же районе, в доме по Литейному проспекту, № 56⁵⁸. В конце XIX – начале XX в. похоронный бизнес Шумиловых становится одним из самых известных в Петербурге.

Именно тенденцией к укрупнению предприятий и вытеснению с рынка конкурентов и объясняется, по-видимому, сокращение числа гробовщиков на 17 человек в адресной книге 1867–1868 гг. по сравнению с 1850 г. Существенно, что Шумиловы не просто богатеют: гробовой бизнес служит им настоящим социальным лифтом, предоставляющим доступ к новому статусу и положению в обществе. Именно такая эволюция гробовщика – от столяра-ремесленника до предпринимателя с «аристократическим» магазином в собственном доме, со временем передающего дела наследникам – описана в очерке А.П. Башуцкого 1840 г.⁵⁹

Необходимо отметить, что, кроме гробовщиков-ремесленников, со временем приобретавших купеческие свидетельства, похоронным делом занимались и лица, состоявшие в купеческом сословии, но ранее не имевшие, видимо, опыта пребывания в статусе ремесленников. Это отдельный и также плохо исследованный аспект темы, выходящий, однако, за рамки настоящей статьи, поэтому здесь я просто приведу два примера: в работе Г.Н. Ульяновой упоминается купчиха 3-й гильдии Тихомирова и ее сын Иван, торговавшие гробами в

⁵⁰ Келлер А.В. *Artifex Petersburgensis*. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века... С. 194.

⁵¹ Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: мат-лы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории (13–14 дек. 1972 г.). Л., 1975. С. 79.

⁵² ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 28. См. также: Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1849 год... С. 117; Цылов Н.И. Городской указатель, или Адресная книга <...> на 1850 год... С. 104; Всеобщая адресная книга С.-Петербурга... Отд. 4. С. 39.

⁵³ Аллер С.И. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга <...> на 1823 год... С. 533.

⁵⁴ Церковь Никольская единоверческая, что в Николаевской улице / подп. Священник В.Н. // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1878. Вып. 6. Отд. 2. С. 164, 167.

⁵⁵ Нистрем К.М. Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям. СПб., 1844. Т. 1. С. 92.

⁵⁶ РГИА. Ф. 759. Оп. 15. Д. 441.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф. 204. Оп. 1. Д. 87.

⁵⁸ Справочная книга о лицах, получивших на 1971 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1871. С. 452–453.

⁵⁹ Башуцкий А. П. Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып. 10–11. С. 79–89, 97.

Москве в районе Сретенки в 1827 г.⁶⁰; по моим данным, в Петербурге в 1841 г. бизнес по прокату траурных принадлежностей при Смоленском православном кладбище намеревался приобрести купеческий сын Филипп Дмитриев Смирнов⁶¹.

К концу второй четверти XIX в. гробовщики функционируют уже как предпринимательское сообщество, готовое отстаивать свои корпоративные интересы. Свидетельством тому служат истории конфликтов гробовых мастеров с церковными и светскими институтами, регулирующими сферу похоронного бизнеса. Ниже рассмотрены два таких случая.

Первый случай демонстрирует развитие локальной «торговой войны» причта церкви Петербургского Смоленского православного кладбища против гробовых мастеров в первые десятилетия XIX в. Второй случай описывает попытку гробовщиков в конце 1840-х – начале 1850-х г. вынудить Министерство внутренних дел пересмотреть утвержденные им ранее тарифы на простые (т.е. некрашенные и недекорированные) гробы.

Прокат траурных принадлежностей: конфликт причта церкви Смоленского православного кладбища с гробовщиками. Герой повести Пушкина «Гробовщик» поставляет клиентам не только гробы, но и похоронные принадлежности: свечи для домашней панихиды, покров для тела, траурные шляпы, мантии и факелы для погребального кортежа⁶². То есть он не просто ремесленник, а предприниматель, оказывающий широкий спектр услуг по оформлению траурной церемонии. Из мемуарной литературы известно, что именно так функционировали российские похоронные дома в конце XIX – начале XX в.⁶³

Вопрос о существовании подобных предпринимательских практик в более раннее время требует, однако, специальных разысканий. Рассказы современников об организации погребального бизнеса в первой половине XIX в. в этом смысле противоречивы. Так, в упомянутом выше очерке А.П. Башуцкого гробовщик целиком организует похороны, выставляя клиенту полный «печальный счет», куда включены не только материалы для подготовки тела, транспорт и весь набор траурной атрибутики, но и услуги по захоронению и оформлению могилы, т.е. он работает в тесном сотрудничестве с кладбищем⁶⁴.

В картине же подготовки к похоронам в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С<анкт>-Петербургской губернии» И.И. Пушкарева, изданном в 1841 г., родственников покойного окружают множество разнообразных торговцев («сидельцы из перинной линии с парчами, с глазетом, <...>, псалтирьщики, регенты певчих, пономари, каменосечьцы, портнихи, повара, кондитеры и содержатель типографии с предложением напечатать приглашительные билеты в последнем вкусе»)⁶⁵, и гробовой мастер – лишь один из них. И хотя автор замечает, что «гробовые мастера, со всем принадлежащим к ним причтом, наживаются здесь скоро...»⁶⁶, непонятно, кто причислен к «причту» и осуществляет ли гробовщик посреднические функции при поставке погребальных принадлежностей, получая за это дополнительный доход.

Прояснить этот вопрос отчасти позволяют сохранившиеся в фондах Канцелярии Синода в РГИА документы, связанные с подготовкой и применением утвержденного 14 июля 1841 г. «Положения о предметах, требующихся при погребении усопших и о вкладах и приношениях за оные», более известного под кратким названием «Положение о кладбищах». Этот указ регламентировал тарифы на ритуальное обслуживание и цены на захоронение на городских кладбищах.

⁶⁰ *Ulianova G.* A Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s // *Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective.* Palgrave Macmillan, 2020. P. 109.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 33. Д. 93.

⁶² Пушкин А.С. Гробовщик // Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 8. С. 89, 92.

⁶³ См.: Животов Н.Н. Петербургские профили. Вып. 3. СПб., 1895; Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987. С. 9.

⁶⁴ Башуцкий А.П. Гробовой мастер... Вып. 11. С. 90–93.

⁶⁵ Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. СПб., 1841. Ч. 3. С. 40.

⁶⁶ Там же. С. 41.

В числе прочего, в официальные прейскуранты погребальных услуг, предоставляемых кладбищенскими церквями, был внесен и прокат траурных принадлежностей: погребальной колесницы или простых погребальных дрог, покровов пяти разрядов, катафалков и подсвечников «трех разборов», табуретов для знаков отличия и свечей⁶⁷. Административная переписка показывает, что до введения в действие «Положения» гробовщики действительно занимались поставками траурных принадлежностей и делили эту сферу услуг с церковью. Так, митрополит Филарет (Дроздов) в донесении Синоду от 11 января 1842 г. сообщал, что в Москве при погребении «употребляются, сколько известно, покровы и катафалки от церквей, а колесницы, табуреты и дроги большею частью от гробовщиков, по распоряжению погребających»⁶⁸.

Гробовщики упомянуты также в рапорте Санкт-Петербургского митрополита Серафима (Глаголевского) Синоду от 2 июня 1841 г., где расписаны доходы столичных кладбищенских церквей в период, непосредственно предшествовавший составлению «Положения». Там, среди прочего, сообщается, что причт церкви во имя св. Митрофана Воронежского на небольшом и устроенном довольно поздно, в 1831 г., Митрофановском (Тентелевском) православном кладбище при проведении траурной церемонии получает плату за покров, катафалк с подсвечниками, венчик; отдельный пункт в этом перечне гласит: «от гробовщиков – за дроги с прибором и за табуреты для орденских знаков от 2 до 1 рубля серебром»⁶⁹. Формулировка не позволяет понять, поставляют ли гробовщики сами дроги и табуреты на кладбище или, наоборот, берут их у причта напрокат для погребального кортежа; судя по контексту, вторая трактовка представляется более вероятной. Мы видим, таким образом, что практики деловой коммуникации кладбищенских церквей с гробовщиками к началу 1840-х гг. в Москве и Петербурге различались.

У этого были причины. По утвержденному еще в XVIII в. законодательству большинство захоронений в обеих столицах производилось не при приходских церквях, а на городских кладбищах, удаленных от жилых кварталов⁷⁰. Между тем, как следует из донесения Филарета, в Москве покойников на кладбищах лишь хоронили, а отпевали «по древнему обычаю» в приходских церквях; поэтому до введения в действие «Положения о кладбищах» московские кладбищенские церкви редко отдавали траур напрокат⁷¹. В Петербурге же и отпевание, и похороны часто проводились именно на кладбищах. То есть для Петербургского кладбищенского причта траурные принадлежности служили прямым источником дохода, что потенциально предоставляло возможности для деловых альянсов или, напротив, конкуренции между кладбищем и гробовыми мастерами. Именно последнюю ситуацию описывает уже упомянутое выше «Дело по прошению протоиерея Смоленской кладбищенской церкви Георгия Петрова о запрещении гробовым мастерам отпускать дроги и прочие траурные принадлежности на Смоленское кладбище», находящееся в фонде Петербургской консистории в Историческом архиве Санкт-Петербурга. Но вначале кратко коснемся самой истории этого кладбища.

История Смоленского кладбища от его основания до начала 1870-х гг. рассказана священником церкви во имя Смоленской иконы Божией матери Стефаном Ивановичем Опатовичем (1831–1892)⁷². Место под кладбище было отведено указом Синода в 1738 г. и

⁶⁷ См.: Положение о предметах, требующихся при погребении усопших, и о вкладах и приношениях за оные, по С.-Петербургским городским кладбищам // РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 137–138.

⁶⁸ Там же. Л. 160.

⁶⁹ Там же. Л. 109 об.

⁷⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (Далее ПСЗ I). СПб., 1830. Т. VII. № 4322 (10 октября 1723 г.); Т. XIX. № 13803 (9 мая 1772 г.); № 13931 (24 декабря 1772 г.).

⁷¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 157 об. – 158 об.

⁷² См.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище // Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1875. Т. 4. Отд. 2. С. 76–151. Более краткая версия этого текста опубликована двумя годами ранее, см.: *Опатович С.И.* Смоленское кладбище в Петербурге. Исторический очерк // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 168–200; об истории Смоленского кладбища в первой половине XIX в., во многом с опорой на работу Опатовича, см. также: *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга... С. 295–303.

подтверждено указом Сената в 1756 г.; освящение первой деревянной кладбищенской церкви состоялось в 1760 г. В 1783 г. там начал службу священник (с 1803 г. – протоиерей) Георгий Петров (1743–1825), имевший склонность к предпринимательской деятельности. При нем доходы кладбища росли, в том числе за счет сдачи прицерковных помещений под мастерские и лавки⁷³. Среди них было организованное в 1795 г. «траурное заведение», занимавшееся прокатом погребальной атрибутики⁷⁴. Реклама в «Санкт-Петербургских Ведомостях» извещала, что там «имеются для парадных похорон все нужные приборы, как то: билеты, разные парчовые покровы, для орденов подушки, дроги с покрывалом, на лошадей попоны, плащи и шляпы с флером, факелы, катафалк и подсвечники <...>»⁷⁵. Петров явно считал гробовщиков конкурентами и стремился к монополии на прокат траура. 1 июля 1813 г. он отправил в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию следующее прошение:

«При печальных обстоятельствах о умерших сродниках первый предмет и забота о гробах. А гробовые мастера сей случай не упускают употреблять к пользе своей собственной и к своему обогащению, даже обременительную для вкладчиков цену, почти при покупке гробов убеждают, чтоб в общей цене с гробом билеты и прочие принадлежности у них брали. В отвращение сего притязания <...> долгом моим поставляю Духовную Консисторию утруждать, не благоволит ли сообщить в Градскую Думу, которая может от такового притязания ограничить отпуск траура на Смоленском кладбище; ибо гробовое мастерство принадлежит к столярному цеху, от которого содержание имеют не бедное, а могут также и на другие кладбища отпускать беспрекословно, где траурных принадлежностей нет»⁷⁶.

Прошение было удовлетворено: по распоряжению Губернского правления Управа благочиния (городской орган, ведавший полицией и порядком в городе) обязала гробовщиков, «дабы всякое притязание к покупающим у них вместе с гробами траурные принадлежности, до Смоленского кладбища относящиеся, совершенно они прекратили», и распорядилась взять с них об этом расписки, чтобы получить подписи от тех самых 11 гробовщиков, которые образуют список 1813 г. Это решение было закреплено указом Духовной Консистории от 4 февраля 1814 г. № 262⁷⁷.

Несмотря на использование административного ресурса, монополия траурного заведения проиерея Петрова оказалась неустойчивой. В 1831 г., 16 декабря, Санкт-Петербургская Духовная Консистория получила прошение, подписанное уже новым протоиереем Смоленско-кладбищенской церкви Иоакимом Семеновичем Кочетовым (1789–1854) и церковным старостой, купцом 1-й гильдии Ильей Антоновым, которые сетовали, что гробовщики игнорируют указы светских и церковных властей:

«Но как с течением времени большая часть мастеров, давших подписки, померли, и много явилось новых гробовых мастеров, не знающих о сей данной Церкви нашей привилегии, или, по крайней мере не обязанных подписками к исполнению оной, то ныне по большей части привозятся покойники на наше кладбище на посторонних дрогах и не с нашим трауром, хоть мы неоднократно напоминали всем гробовым мастерам здешней столицы о привилегии нашей, однако от сих напоминаний пользы никакой не видим»⁷⁸.

Если верить С.И. Опатовичу, гробовщики имели конкурентное преимущество перед кладбищенским заведением, привилегированное положение которого не способствовало заботе о качестве товара: траурные вещи, поставлявшиеся нанимателям на Смоленском кладбище, «поражали <...> своим безобразием. <...> Это возбуждало жалобы со стороны

⁷³ См.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище... С. 96; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 7. Д. 748. Л. 1–4; Ф. 15. Оп. 15. Д. 850. Л. 98, 99–100, 101–102, 186–187, 188–189 об., 192, 193–199.

⁷⁴ Об истории его устройства см.: *Опатович С.И.* Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище... С. 92–93.

⁷⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1797. № 98, 8 дек. (вторник). С. 2257; № 99, 11 дек. (пятница). С. 2276; № 102, 22 дек. (вторник). С. 2348.

⁷⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 188. Л. 1–2.

⁷⁷ Там же. Л. 6–6 об., цитата: Л. 6.

⁷⁸ Там же. Л. 13–13 об.

нанимателей. <...> Поэтому, когда, с утверждением положения о кладбищах (1841 г.), постанова дрог и других принадлежностей погребения сделалась предметом свободной торговли, никто не стал брать их с кладбища»⁷⁹.

«Положение о кладбищах» действительно разрешало потребителям нанимать дроги и заказывать погребальные покровы на стороне⁸⁰, однако функционировать траурное заведение перестало раньше. В упомянутом выше рапорте митрополита Серафима (Глаголевского) Синоду от 2 июня 1841 г. сообщалось: «В настоящее время требование дрог от Смоленско-кладбищенской церкви и траура вовсе прекратилось по множеству гробовых мастеров по городу, свободу каковую испросили они себе заводить всякий траур, а частью и по причине большой отдаленности кладбища от середины города»⁸¹. Как следует из этой формулировки, «свобода» гробовщиков отдавать внаем траурные принадлежности была закреплена законодательно еще до появления «Положения о кладбищах».

Сам соответствующий указ пока найти не удалось. Имеющиеся материалы, однако, позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, гробовое ремесло определенно предполагало не только производственную, но более широкую предпринимательскую деятельность, связанную с оказанием ритуальных услуг, уже в первые десятилетия XIX в. – именно тогда и закладываются ранние предпосылки для создания похоронных домов, расцветших на исходе столетия. Во-вторых, к началу 1840-х гг. гробовщики уже взаимодействуют с властями как самостоятельная профессиональная корпорация, объединенная общими коммерческими интересами.

Ценовая политика: гробовщики в диалоге с Министерством внутренних дел. Влияние эпидемии холеры на ценообразование. Пушкинский гробовщик, озабоченный состоянием своих доходов, сетует, что нищему гроб достается даром, и запрашивает «за свои произведения преувеличенную цену»⁸². Для рассмотрения истории похоронного бизнеса весьма важен вопрос о ценах на товары и услуги в этом сегменте предпринимательства.

До начала 1840-х гг. цены на гробы, изготовляемые на заказ или для продажи⁸³, были свободными – они зависели от качества сырья и сложности работы, богатства отделки, запросов потребителя, аппетитов продавца и, по словам А.Г. Строганова, действительно выглядели иногда «несоразмерными против употребляемых материалов»⁸⁴. Вмешательство государства в эту практику датируется первым декабря 1842 г., когда положением Комитета министров «О установлении в столицах такс на предметы, употребляемые при погребении людей среднего состояния» была утверждена шкала фиксированных цен на гробы минимальной конфигурации, образцы которых гробовщикам предписывалось иметь в лавках под угрозой штрафов и запрета на профессию в случае неисполнения такого требования⁸⁵.

Стимулом к разработке «Положения» явилась жалоба, адресованная в мае 1841 г. шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу чиновником 6-го класса Григорьевым, похоронившим двоих дочерей. Жалуясь на непосильные для человека его положения и доходов запросы столичных гробовщиков («самый простой гроб, выкрашенный суриком <...> из полторы еловой доски» обошелся ему в 6 руб., а «гроб, оклеенный самым дешевым коленкором», – в 20 руб.)⁸⁶, Григорьев просил «искоренить зло, <...> введенное в погребальный обряд, в котором и без того каждый бедняк несет уже необходимые убытки»⁸⁷.

Целью последовавшего указа, таким образом, была защита населения, которому обеспечивалась возможность покупать товар первой необходимости по твердой таксе. Бедняков, по предъявлении свидетельств от приходов или полиции, обслуживали при больницах, куда

⁷⁹ Опатович С.И. Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище... С. 95.

⁸⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 375Б. Л. 137 об.

⁸¹ Там же. Л. 114 об.

⁸² Пушкин А.С. Гробовщик... С. 90.

⁸³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 10.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ПСЗ II. Т. XVII. № 16280 (1 дек. 1842 г.).

⁸⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 2–3.

⁸⁷ Там же. Л. 2–2 об.

гробовщики поставляли товар из благотворительных соображений и по ценам ниже себестоимости. Например, по словам гробовщика Петрова, приведенным в переписке Попечительства при Петропавловской больнице в Санкт-Петербурге с Министерством внутренних дел от 28 ноября 1841 г., «гробы им в больницу поставляемые, ему самому обходятся дороже поставной цены»⁸⁸. С точки зрения производителя, нищие и вправду брали гробы «даром».

Как показывает выписка из донесения петербургской Ремесленной управы, сохранившаяся в фонде Хозяйственного департамента МВД в РГИА, таксы на обязательный минимальный ассортимент для Петербурга были предложены Ремесленной управой и одобрены министерством, за исключением одного пункта – цены на самый простой сосновый гроб, которая была снижена с запрошенных Ремесленной управой 76 коп. серебром до 49 коп. серебром, что соответствовало потолку цен на гробы, поставляемые в больницы⁸⁹. Таким образом, государство защищало самую финансово уязвимую часть населения. Так сформировалась зона конфликта интересов социальной политики и коммерческого сектора. Конфликт этот обострился в конце 1840-х гг. во время эпидемии холеры, когда наблюдалось резкое увеличение смертности населения.

Петербург был в числе городов, серьезно пострадавших от эпидемии: согласно официальной статистике, только в период с 4 июля 1848 г. по 1 января 1849 г. в столице умерло 12 228 жителей из 445 000, т.е. 2,7 % населения⁹⁰. Повышение спроса на гробы предсказуемо повлияло на ценообразование. Городская дума под давлением экстремальных обстоятельств в условиях дефицита погребальных принадлежностей согласилась на предложение Ремесленной управы изготавливать простые гробы в большом количестве «при доме Цехового Общества, посредством подмастерьев, назначенных от некоторых мастеров, по мере надобности или по заказу мастерам» по предложенной гробовщиками цене 80 коп. за штуку, т.е. в 1,6 раза выше утвержденного тарифа⁹¹.

Свободная же торговля откровенно саботировала законодательные предписания. По донесению анонимного осведомителя от 1 июля 1848 г., «при таком огромном требовании на гробы цена их по таксе не существует ныне; самый простой, только окрашенный краскою гроб стоит теперь не дешевле 10–12 р. серебром, вероятно в 6 раз более настоящей его цены по таксе. Оне говорят, что недостает, видите ли, рук, чтобы изготовлять гробы по таксе, тогда как нет недостатка в рабочих, когда цена высока»⁹².

Контрольная закупка в 36 гробовых мастерских в том же месяце показала, что цена на простой гроб варьируется от 2 руб. 90 коп. до 7 руб. серебром, а на гробы более высокого достоинства превышает таксу втрое: «За гроб окрашенный без обивки внутри коленкором от 4-х до 5 руб. серебром. <...> За гроб окрашенный и обитый внутри коленкором, назначенный по таксе по 1 руб. 57 копеек, требовали от 4-х до 6-ти руб. серебром. <...> За гроб, назначенный по таксе 4 руб. 95 копеек, требовали по 10 руб. серебром и <...> за гроб по таксе в 8 руб. 68 коп. серебром требовали от 20 до 25 руб. серебром»⁹³. При этом гробовщики, пользуясь смятением горожан перед последствиями эпидемии и ажиотажным спросом на похоронные принадлежности, брали деньги без расписок и требовали оплату вперед⁹⁴.

Пытаясь сократить разрыв между буквой закона и реальностью, чтобы тем самым остановить поток жалоб на непомерный рост цен, военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.И. Шульгин временно поднял официальные тарифы на простые гробы до 1 руб.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 46. Л. 29.

⁸⁹ Там же. Оп. 6. Д. 664. Л. 10–11 об.

⁹⁰ Обзорение хода и действий холерной эпидемии в России в течение 1848 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1849. Ч. 23. С. 326.

⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 223. Оп. 1. Д. 583. Л. 23.

⁹² Там же. Л. 7–7 об. Ср.: во время эпидемии холеры в Саратове в начале 1830-х г. гробы также подорожали в 10 раз – см.: Варфоломеев А.Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: Эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 59.

⁹³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 664. Л. 9–9 об.

⁹⁴ Там же. Л. 9 об.

(вместо 49 коп.) за большой гроб, 75 коп. – за средний и 50 коп. – за малый⁹⁵. Этот административный прецедент, наряду с преодолением психологического барьера в области ценообразования, стимулировал предпринятую гробовщиками попытку изменить официальную шкалу цен в свою пользу после завершения эпидемии. Реакцией на намерение МВД восстановить допандемийные тарифы явился составленный общим собранием гробовых мастеров «приговор» от 2 сентября 1852 г. о временном согласии соблюдать установленную «Положением» ценовую шкалу сроком не более одного года⁹⁶.

Попытка гробовщиков надавить на министерство провалилась: явно раздраженный ультиматумом министр внутренних дел Д.Г. Бибииков в письме от 7 ноября 1853 г. потребовал от Д.И. Шульгина «внушить гробовщикам всю неуместность их приговора и сделать зависящее распоряжение на законном основании об уничтожении оногo», а также усилить полицейский надзор за отраслью, так как «при очевидном желании гробовщиков увеличить цены на гробы для бедных, малейшее послабление <...> может дать повод к злоупотреблениям»⁹⁷.

Существенно, однако, что, несмотря на неудачное завершение, в этом сюжете реализуется та же модель коммуникации торгового сообщества с властью, что и в более удачной для гробовщиков истории конфликта со Смоленским кладбищем: ущемляющая интересы корпорации законодательная норма первоначально размывается на уровне повседневных торговых практик, формирующих новую норму, более приемлемую для профессионального сообщества. Само же профессиональное сообщество затем предпринимает шаги, направленные на защиту этой нормы, ее легализацию и кодификацию на государственном административном уровне.

Заключение. Итак, как показывает материал исследования, в 1800–1860 гг. гробовщики занимали пограничное положение в столичном коммерческом ландшафте: это одновременно производители, поставляющие товар на рынок, и предприниматели, уже с первых десятилетий XIX в. оказывающие услуги по оформлению и организации погребальной церемонии. Такая диспозиция служила предпосылкой для торговых альянсов или конкуренции между гробовыми мастерами и церковью.

Увеличение оборотов отрасли по мере роста населения Санкт-Петербурга в третьей четверти XIX столетия сопровождалось сокращением числа гробовщиков, регистрируемых адресными книгами, что свидетельствует о тенденции к укрупнению погребальных предприятий и вытеснению с рынка более мелких предпринимателей. Это означало, что гробовой бизнес был высококонкурентной отраслью.

Удалось установить, что в данной сфере предпринимательства хорошо проявился фактор длительности семейного бизнеса – например, несколько работавших в Петербурге на протяжении двух-трех поколений династий (Соболевы, Антоновы, Шумиловы) стабильно существовали с 1813 по 1850 г. или с 1822 г. до начала XX в. Аффiliation с церковью и активная благотворительная деятельность наиболее успешных гробовых мастеров (выразившаяся в поставках бесплатно гробов в больницы или строительстве дома для церковного причта) демонстрируют имевшиеся в их распоряжении возможности для завоевания нового общественного статуса и перехода в новое сословие (из цеховых или мещан – в купечество).

Интересные результаты дает сопоставление литературных и исторических источников. Карьерная и социальная динамика представителей похоронного бизнеса, прослеженная Башуцким, и предпринимательские практики, описанные Пушкиным, получают документальное подтверждение. Для литературоведов и историков это важно, поскольку мы теперь точно знаем, в частности, что изображение похоронного предприятия в пушкинской повести коррелирует с российскими реалиями 1830-х гг., а не является результатом трансфера европейских нарративных образцов в чистом виде.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 6. Д. 664. Л. 10, 13–15.

⁹⁶ Там же. Л. 47.

⁹⁷ Там же. Л. 49–49 об.

Установление этого факта полезно также и для дальнейшего исследования представленной в статье темы, поскольку создает прецедент, повышающий доверие к литературным источникам, как минимум в области постановки новых проблем. Так, например, уже представленные в статье архивные данные позволяют интерпретировать внешне противоречащие друг другу рассказы Башуцкого и Пушкирева как описание различных вариантов не устоявшихся еще в начале 1840-х гг. торговых практик, взаимоотношения которых заслуживают более внимательного изучения. Отдельную загадку составляет представленный в очерке Башуцкого «печальный счет», из которого следует, что гробовщики предоставляли услуги по захоронению и первичному оформлению могилы – деталь, также требующая документального подтверждения или опровержения в ходе дальнейших штудий в этой области.

Литература

Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга. СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. Т. 2. 273 с.

Башуцкий А.П. Гробовой мастер // Наши, списанные с натуры русскими. СПб.: изд. А.Я. Исакова, 1841. Вып. 9–11. С. 65–97.

Беляев Л.А. Погребения в алтарях: литературные решения археологических загадок // Живая старина. 2016. № 2. С. 8–10.

Беляев Л.А. Корсунские реликвии в Московской Руси: подлинная история креста-«корсунчика» // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы междунар. науч. конф. (14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 530–542.

Беляев Л.А. Археология, архитектура и литературные источники XVIII–XIX веков: культурно-исторические сюжеты // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы междунар. науч. конф. / Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН. М., 2018. С. 20–22.

Варфоломеев А.Ю. «Навязчивая это была азиатская гостья»: Эпидемия холеры на территории Саратова в 1830 г. // Базис. 2022. № 1 (11). С. 54–60.

Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.

Животов Н.Н. Среди факельщиков: шесть дней в роли факельщика // Животов Н.Н. Петербургские профили. СПб.: Типо-лит. А. Винеке, 1895. Вып. 3. 28 с.

Келлер А.В. Artifex Petersburgensis. Ремесло Санкт-Петербурга XVIII – начала XX века. СПб.: Алетейя, 2020. 627 с.

Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центр-полиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2009. 797 с.

Козлов С. На rendez-vous с новым историзмом // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 5–12.

Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1957. 155 с.

Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике: материалы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории (13–14 дек. 1972 г.). Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. С. 78–89.

Масагутова М.Р. Организация похоронного дела в имперском Петербурге // Usable Pasts: сборник материалов IV студ. конф. НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург (26–27 апреля 2019 г.). Иваново: ЛИСТОС, 2020. С. 41–45.

Мохов С. Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 360 с.

Опатович С.И. Смоленское кладбище в Петербурге. Исторический очерк // Русская старина. 1873. Т. 8. С. 168–200.

Опатович С.И. Церковь во имя Смоленской Иконы Божией Матери на кладбище // Историко-Статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб., 1875. Т. 4. Отд. 2. С. 76–151.

Пушкарев И.И. Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии: в 4 ч. СПб.: тип. С.-Петербургского губернского правления, 1841. Ч. 3. 168 с.

Пушкин А.С. Гробовщик // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. С. 87–94.

Соколова А. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 453 с.

Четырина Н.А. Срок похорон в конце XVIII – начале XIX в. (По материалам метрических книг) // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 241–259.

Шкерин В.А. Путешествие покойника из Флоренции в Нижнетагильский завод // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 133–141.

Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя (XII – начало XIX вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 486 с.

Эткинд А. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2001. № 1 (47). С. 7–40.

Aubin R.A. Behind Steele's Satire on Undertakers // Publications of the Modern Language Association of America. 1949. Vol. 64, № 5. P. 1008–1026.

Bell E. The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts // Historical Archaeology. 1990. Vol. 24, № 3. P. 54–78.

Fritz P.S. The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830 // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 28, № 2. P. 241–253.

Laqueur T. Bodies, Death, and Pauper Funerals // Representations. 1983. № 1. Pp. 109–131.

Trompette P. Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals // Managing Overflow in Affluent Societies / eds. B. Czarniawska-Joerges, O. Löfgren. N.Y.: Routledge, 2012. P. 19–42.

Ulianova G.A. Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s // Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective / eds. J. Aston, C. Bishop. Palgrave Macmillan, 2020. P. 85–112.

References

Aubin, R.A. (1949). Behind Steele's Satire on Undertakers. In *Publications of the Modern Language Association of America*. Vol. 64, No. 5, pp. 1008–1026.

Bashutskiy, A.P. (1834). *Panorama Sankt-Peterburga* [Panoramic Sketch of St. Petersburg]. St. Petersburg, V tip. vdovy Plyushar s synom. Vol. 2. 273 p.

Bashutskiy, A.P. (1841). Grobovoy master [The Coffin-Maker]. In *Nashi, spisannyye s natury russkimi*. St. Petersburg, Izd. A. Ya. Isakova. No. 9–11, pp. 65–97.

Bell, E. (1990). The Historical Archaeology of Mortuary Behavior: Coffin Hardware from Uxbridge, Massachusetts. In *Historical Archaeology*. Vol. 24, No. 3, pp. 54–78.

Belyaev, L.A. (2016). Pogrebeniya v altaryakh: literaturnye resheniya arkheologicheskikh zagadok [Altar Burials: Literary Solutions to Archaeological Riddles]. In *Zhivaya starina*. No. 2, pp. 8–10.

Belyaev, L.A. (2017). Korsunskie relikvii v Moskovskoy Rusi: podlinnaya istoriya kresta–“korsunchika” [Korsun Relics in Muscovy: The True History of the “Korsun Cross”]. In *Rus' ehpokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (14–16 oktyabrya 2015 goda)*. Moscow, Vologda, Drevnosti Severa, pp. 530–542.

Belyaev, L.A. (2018). Arkheologiya, arkhitektura i literaturnye istochniki XVIII–XIX vekov: kul'turno-istoricheskie syuzhety [Archeology, Architecture and Literary Sources of the 18th–19th Centuries: Cultural and Historical Plots]. In *Zhizn' v Rossiyskoy imperii: Novye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunar. nauch. konf.* / Institut arkheologii RAN, Institut rossiyskoy istorii RAN. Moscow, pp. 20–22.

Chetyrina, N.A. (2007). Srok pokhoron v kontse XVIII – nachale XIX v. (Po materialam metricheskikh knig) [The Term of the Funeral at the End of the 18th – Beginning of the 19th Centuries (Based on the Data of Parish Registers)]. In *Materialy tserkovno-prikhodskogo ucheta naseleniya kak istoriko-demograficheskiy istochnik*. Barnaul, pp. 241–259.

Dobuzhinskiy, M.V. (1987). *Vospominaniya* [The Memoirs]. Moscow, Nauka. 477 p.

Ehtkind, A. (2001). Novyy istorizm, russkaya versiya [New Historicism, Russian Version]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1 (47), pp. 7–40.

Fritz, P.S. (1994). The Undertaking Trade in England: Its Origins and Early Development, 1660–1830. In *Eighteenth-Century Studies*. Vol. 28, No. 2, pp. 241–253.

Keller, A.V. (2020). *Artifex Petersburgensis. Remeslo Sankt-Peterburga XVIII – nachala XX veka* [Artifex Petersburgensis. St. Petersburg Handicraft in the 18th – Beginning of the 20th Centuries]. St. Petersburg, Aleteiya. 627 p.

Kobak, A.V., Piryutko, Yu. M. (2009) *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemeteries of St. Petersburg]. Moscow, Tsentrpoligraf; St. Petersburg, MIM-Del'ta. 797 p.

Kopanev, A.I. (1957). *Naselenie Peterburga v pervoy polovine XIX veka* [The Population of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. Moscow, Leningrad. 155 p.

Kopanev, A.I. (1975) *Remeslenniki Peterburga v pervoy polovine XIX veka* [Artisans of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. In *Remeslo i manufaktura v Rossii, Finlyandii i Pribaltike. Materialy II Sov.-fin. simpoziuma po sots.-ehkon. istorii (13–14 dekabrya 1972 g.)*. Leningrad, Nauka, Leningr, Otd-nie, pp. 78–89.

Kozlov, S. (2000). Na rendez-vous s novym istorizmom [Meeting New Historicism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 2 (42), pp. 5–12.

Laqueur, T. (1983). Bodies, Death, and Pauper Funerals. In *Representations*. No. 1, pp. 109–131.

Masagutova, M.R. (2020). Organizatsiya pokhoronnogo dela v imperskom Peterburge [Funeral Business Organisation in Imperial St. Petersburg]. In *Usable Pasts. Sbornik materialov IV studencheskoy konferentsii NIU VSHEH – Sankt-Peterburg (26–27 aprelya 2019 g.)*. Ivanovo, LISTOS, pp. 41–45.

Mokhov, S. (2018). *Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii: ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [The Birth and Death of the Funeral Industry: From Medieval Churchyards to Digital Immortality]. Moscow, Common place. 360 p.

Opatovich, S.I. (1873). Smolenskoe kladbishche v Peterburge. Istoricheskiy ocherk [Smolensky Cemetery in Petersburg. Historical Essay]. In *Russkaya starina*. Vol. 8, pp. 168–200.

Opatovich, S.I. (1875). Tserkov' vo imya Smolenskoy Ikony Bozhiey Materi na kladbishche [Church of the Smolensk Icon of the Mother of God at the Cemetery]. In *Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-Peterburgskoi eparkhii. Izdanie Sankt-Peterburgskogo eparkhial'nogo istoriko-statisticheskogo komiteta*. St. Petersburg. Vol. 4, part 2, pp. 76–151.

Pushkarev, I.I. (1841). *Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov S.-Peterburgskoy gubernii* [Description of St. Petersburg and Chief Towns of St. Petersburg Province]: v 4 ch. St. Petersburg, Tip. Sankt-Peterburgskogo gubernskogo pravleniya. Part 3. 168 p.

Pushkin, A.S. (1948). Grobovshchik [The Coffin-Maker]. In *Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 16 t.* Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. Vol. 8, pp. 87–94.

Shkerin, V.A. (2018). Puteshestvie pokoynika iz Florentsii v Nizhnetagil'skiy zavod [A Dead Man's Journey from Italy to the Nizhny Tagil Plant]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (60), pp. 133–141.

Shokarev, S.Yu. (2018). *Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya (XII – nachalo XIX vv.)* [Sources for the History of Moscow Necropolis]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 486 p.

Sokolova, A. (2022). *Novomu cheloveku – novaya smert'?* Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR [New Death for a New Man? Funeral Culture in the Early USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 453 c.

Trompette, P. (2012). Pompes Funèbres and the Overflowing of Ostentatious Funerals. In *Managing Overflow in Affluent Societies*. Eds. B. Czarniawska-Joerges, O. Löfgren. N.Y., Routledge, pp. 9–42.

Ulianova, G. (2020). A Mosaic of Entrepreneurship: Female Traders in Moscow, 1810s–1850s. In *Female Entrepreneurs in the Long Nineteenth Century: A Global Perspective*. Eds. J. Aston, C. Bishop. Palgrave Macmillan, pp. 85–112.

Varfolomeev, A.Yu. (2022). “Navyazchivaya ekhto byla aziatskaya gost’ya”: Ehpide-miya kholery na territorii Saratova v 1830 g. [“Obsessive Was it, That Asian Guest”: Cholera Epidemic in Saratov in 1830]. In *Bazis*. No. 1 (11), pp. 54–60.

Zhivotov, N.N. (1895). Sredi fakel’shchikov: shest’ dney v roli fakel’shchika [Among Torch-bearers: Six Days as a Torchbearer]. In *Zhivotov N.N. Peterburgskie profili*. St. Petersburg, Tipo-lit. A. Vineke. No. 3. 28 p.